

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.17223/15617793/519/2

Фантастическое пространство в мемуарах Н.П. Анциферова

Анна Леонидовна Гумерова¹

¹ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gratia4@yandex.ru*

Аннотация. Решается проблема о соотношении реалистического и фантастического на примере мемуарной литературы. С помощью описательно-функционального метода проанализированы главы мемуаров Анциферова с особым акцентом на описание фантастического пространства – сюжет и структуру таких описаний. Кроме этого, такие фрагменты сопоставлены с теоретическими взглядами Н.П. Анциферова в его научных работах.

Ключевые слова: Н.П. Анциферов, мемуары, фантастическое пространство, фантастика, воображение

Источник финансирования: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-78-10093 «Поэтика пространства: кросскультурные связи русской и зарубежной фантастической литературы» (<https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>).

Для цитирования: Гумерова А.Л. Фантастическое пространство в мемуарах Н.П. Анциферова // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 14–20. doi: 10.17223/15617793/519/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/2

Fantastic space in the memoirs of N.P. Antsiferov

Anna L. Gumerova¹

¹ *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gratia4@yandex.ru*

Abstract. The article addresses the problem of the relationship between the realistic and the fantastic using memoir literature as an example. Memoir literature was chosen because its genre characteristics are factuality and documentary nature; memoirs are presented as a source of evidence about realities. Memoir literature is a complex of documentary and fiction literature, therefore, within memoirs, elements of plot or composition may appear that are inherent in the first place to fiction; in particular, the fantastic, i.e. the unreal, the fictitious, the supernatural. The memoirs of Nikolai Antsiferov, a historian and literary scholar, are of interest due to the particular role of the reception of fiction read by Antsiferov, which is reflected in the descriptions of real places and events that actually occurred, thus creating a place for fantastic elements within the memoir narrative. Using the descriptive-functional method, chapters of Antsiferov's memoirs were analyzed with a special emphasis on the description of the fantastic space – the plot and structure of such descriptions. In addition, such fragments were compared with the theoretical views of Antsiferov in his scientific works. During the study, it was noted that in Antsiferov's narrative, the surrounding world is often perceived by him as fantastic: "The Island of the Blessed" as a special utopian space in the chapters "Childhood" and "Adolescence/Years of Adolescence", the world of the game in the chapters "Adolescence" and "Prima Vera", "The City of Kitezh" (the Christmas days he spent visiting friends in Baranovka) in the chapter "In the Morning Fog", "Ibsen's world" seen during his trip to Norway in "Incipit vita nova", "the unknown" or "special" world in Italian and French cities, in the chapter "Quanti e bella giovinezza", etc. Such fantastic fragments in Antsiferov are almost always linked with references to certain works of art, mostly also fantastic: romantic ones, fairy tales etc. The combination of the real and the fantastic in Antsiferov's memoir can be compared with his attitude to the fantastic, the legendary, the work of human imagination, which is manifested in his scientific works. In the monograph (dissertation research) *The Problem of Urbanism in Russian Literature*, mainly in the chapters devoted to Dostoevsky, Antsiferov emphasizes Dostoevsky's utopianism, applies to Dostoevsky's creative method the definition of "reality – deepened to fantasy", and speaks of the transformed existence in his works. In his memoirs, writing about the fantastic space, he speaks of "true existence" or the erasure of the boundaries between a fairy tale and reality. Everyday reality, thanks to the appearance of fantastic elements in it, acquires utopianism and becomes genuine existence. The relationship between real and fantastic spaces in Antsiferov's memoirs coincides with his approach to the relationship between the real and the fantastic, which we see in his scientific works.

Keywords: N. P. Antsiferov, memoirs; fantastic space, fantastic/fantasy, imagination

Financial support: The research was carried out at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10093: Poetics of Space: Intercultural Relations of Russian and Foreign Science Fiction Literature, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>

For citation: Gumerova, A.L. (2025) Fantastic space in the memoirs of N.P. Antsiferov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp.14–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/2

Понятие фантастического/фантазии/фантастики в литературе в настоящее время активно исследуется благодаря развитию фантастической литературы с конца XIX в., и его в свою очередь необходимо определить. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» фантастика в литературе определяется как «разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, “чудесного мира”» [1. С. 1119]. Статья написана В.С. Муравьевым, известным переводчиком и исследователем в том числе фантастической литературы, специалистом по творчеству Дж. Свифта. К.С. Льюис, автор фантастических произведений и историк литературы, в теоретико-литературной монографии 1961 г. «An Experiment in Criticism», обращаясь к термину *fantasy*, который для него в это время обозначает человеческую фантазию или литературное повествование, связанное с фантазией, определяет этот термин как «любое повествование, где речь идет о невозможном и сверхъестественном» [2. Р. 50]. Сам термин «фантастическое» приводит нас к классической монографии Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу», где фантастическое определяется как «колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» [3. С. 25] – т.е. нечто, встроенное в бытовой мир, но представляющееся сверхъестественным. Фантастическое в рамках этой концепции размещается на линии, ведущей от необычного в чистом виде, через фантастическое-необычное и фантастическое-чудесное, к чудесному в чистом виде: по мнению Тодорова, фантастическое в чистом виде размещается на границе, «отделяющей фантастическое-необычное от фантастического-чудесного» [3. С. 40]. Именно эти три определения важны для данного исследования – описание фантастического пространства в мемуарах Анциферова определяется как описание в рамках реалистического мемуарного повествования особого, нереального, вымышленного мира, с элементами необычайного и сверхъестественного, однако не переходящего в чудесное в буквальном смысле.

Мемуары Н.П. Анциферова (1889–1959) – историка и автора локально-исторического метода в литературоведении – над которыми он работал с конца тридцатых годов XX в. до конца жизни, посвящены его детству, отрочеству, рассказам о друзьях юности и о горячо любимой им супруге Татьяне Оберучевой, переживанию сложных исторических событий начала XX в., научным занятиям и путешествиям, тяжелым событиям советского времени. При жизни мемуары не были завершены и существовали в нескольких вариантах, преимущественно машинописных. В 1992 г. они были изданы А.И. Добкиным под названием «Из дум о былом». Это издание остается наиболее полным на настоящий момент, однако в нем опущены многие значимые

фрагменты в частности фрагмент о Рождестве в Барановке, ключевой для данной работы, который поэтому цитируется по конволюту 1956–1957 гг. из семейного архива М.С. Анциферова¹. В 2015 г. в серии «Русская Италия» были опубликованы полные варианты глав мемуаров, посвященные путешествиям Н.П. Анциферова по Италии в 1910–1914 гг.

Большая часть мемуаров посвящена периоду с конца XIX в. до начала Первой мировой войны; последняя глава, над которой Анциферов вел работу уже после 1956 г., посвящена советскому периоду с 1918 до 1939 г.

Николай Павлович Анциферов начинает работать над мемуарами в конце 1930-х гг., вскоре после своего ареста в 1937 г., в лагере; как отмечает Д.С. Москвская в статье «Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы», одна из частей главы мемуаров, посвященная советскому времени, открывается словами: «Согласно традиции моей жизни, каждое десятилетие после смерти отца (он умер в 1897 г.) я посещал дом своего детства в Никитском саду» [4. С. 209]. Из этих слов Анциферова можно заключить, что причиной для начала работы над мемуарами были не только желание обратиться к воспоминаниям о прошлом при переживании страшного и тяжелого настоящего, но и предшествующее посещение мест памяти, дома детства. При знакомстве с мемуарами Анциферова мы непременно обращаем внимание на то, насколько значимую роль в них играют места, в которых Анциферов жил – Ялта, Никитский сад, Киев, Барановка, Петербург, Норвегия, Венеция, Флоренция, Париж. И это не просто страны или даже города – такого рода местами памяти для него становятся улицы и дома.

Однако в его повествовании, особенно в первых главах мемуаров, относящихся к рассказам о детстве и отрочестве, встречаются воспоминания и о вымышленных пространствах. В главе «Детство» он пишет об острове, который он придумал для нарисованных им зверей: «Чтобы быть уверенным в их благополучной будущности я придумал превосходный, как мне казалось, выход: они – эта белка и этот заяц живут на таком острове, где нет ни волков, ни лисиц, ни удавов <...> Мой остров находится так далеко от всякого материка, где-то в Великом Океане – что даже кондор не имеет сил долететь туда. Этот остров блаженных был моей первой утопией, продиктованной чувством жалости ко всему, что не защищено от хищников» [5. Л. 64]. Об этой своей фантазии Анциферов вспоминает и в следующей главе мемуаров, «Отрочество»: «Утопизм был мне всегда свойственен, начиная с острова блаженных моих младенческих мечтаний, этого острова, где живут только миролюбивые птицы и звери» [6. С. 57] Действительно, в этой фантазии Анциферова возникает утопическое пространство; и эта фантазия была бы обычной для ребенка. Однако выражение «острова блаженных» появляются у Н.П. Анциферова

и в кандидатской диссертации «Проблемы урбанизма в русской литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций», которую Анциферов защитил в 1944 г., т.е. во время работы над мемуарами. Поэтому вполне возможно определенное тематическое переплетение между двумя текстами. Так, глава «Идея Петербурга и золотой век» буквально начинается со слов об утопии у Достоевского [7. С. 531]. В этой главе можно видеть один из немногих примеров в творчестве Анциферова, где он говорит о фантастическом произведении, о «Сне смешного человека» Достоевского. В своих рассуждениях об этом рассказе Анциферов особенно подчеркивает, что герой во время своего фантастического путешествия оказывается именно на острове, на Архипелаге, и что это наша преобразованная земля [7. С. 544]. В дальнейшем он называет место действия рассказа «островами блаженных»: «Так Достоевский возвращается с островов блаженных на скорбную землю, на которой стоит город великого страдания <...> Видение Архипелага вернуло к жизни готового покончить с собой петербуржца» [7. С. 546]. Финал «Сна смешного человека», причина возвращения главного героя к жизни и истина, которую он увидел, могут пониматься по-разному, но Анциферов в своей трактовке сосредоточивается не на изображении счастливых людей или на том, через что прошел герой, а именно на видении Архипелага, островов блаженных; т.е. истиной, возрождающей человека к жизни, для него оказывается сама возможность существования утопического пространства.

Следующая глава мемуаров, «Prima veга», во многом посвящена теме рыцарской игры – игры, проникающей в жизнь; играющие подростки, сам Анциферов и его друзья Дмитрий и Татьяна Навашины, придумывают персонажей-«рыцарей», дают им имена и погружаются с помощью этих персонажей в литературно-исторический мир Англии шекспировского времени. «Каждый из нас, играющих так срастался со своим героем, что мы <...> гуляя где-нибудь в лесу гуляя где-нибудь в лесу, затевали беседы и споры, называя себя именами наших героев. Игра так вплелась в жизнь, что грани стерлись» [6. С. 73]. См. об этом подробнее [8].

Однако еще более яркий пример появления фантастического пространства в мемуарах Анциферова мы видим в следующей главе мемуаров, «В тумане утреннем», где речь идет уже не о вымышленном пространстве. В эпизоде описания Рождества 1910 г., которое Анциферов встречает в Барановке у своих друзей Курбатовых, снова появляются слова о вплетении – на этот раз сказки – в жизнь. Дружба с Курбатовыми была очень значима для Анциферова, начиная с 1905 г., и Рождество, проведенное в Барановке, произвело на него глубокое впечатление; в его описании березовая роща становится коралловыми рифами и северным раем.

«Всё вокруг превращено в коралловые рифы. <...> Белая земля, белые стволы берёз, белые ветви, усеянные кристаллами снега, игравшего радужными огнями. Искрящийся воздух, совсем недвижимый, и над

всем – густо синее, глубокое, празднично-торжественное небо. Почему рай – это знойный, пряный юг? Разве это не рай? Разве возможна большая чистота, большая прозрачность и большая радость земли? <...> Так прошло ещё несколько дней. Наступили лунные ночи, и коралловые рифы были залиты таинственным светом. Мы мало беседовали друг с другом. Но никогда между нами не было такого молчаливого понимания, такого произвольного лада. Что это было? Зимняя сказка? Сон в зимнюю ночь? Не хочется употребить эти слова. Сказка противопоставляется были, а сон – яви. Но подлинны только были и явь. То, что было в эти рождественские дни в Барановке, можно назвать подлинным бытием, но бытием, которое выводит за пределы нашего быта, наших событий. Мы пожили в граде Китеже» [5. Л. 301].

В финальном фрагменте этого эпизода Анциферов сопоставляет три элемента: сказку/сон, т.е. некоторое фантастическое бытие; быт, т.е. обыденную жизнь; и подлинное бытие, которое больше похоже на сказку или сон, но при этом реально. Причем это подлинное бытие для Анциферова становится не столько явлением или состоянием, сколько пространством – градом Китежем. Анциферов говорит о возможности пожить в граде Китеже как о чем-то реальном, а не кажущемся – «мы пожили в граде Китеже», а не «мы словно пожили в граде Китеже»; выражение «коралловые рифы», в которые превращаются земля и березы, в каком-то смысле подчеркивает «подводность» происходящего. Интересно, что в уже цитированной главе «Идея Петербурга и золотой век» Анциферов сопоставляет град Китеж и Петербург: «Затонувший “град Китеж” с подводным звоном своих колоколов – символ “преобразованного града”. Из глубин былого возродится он к новой жизни на спасенной земле. Петербургу, “утомившему” русскую землю, пророчили гибель. И ему предсказывали стать “затонувшим городом”» [7. С. 533].

В главе «Петербургский фланер» этой же работы Анциферов, говоря о проблеме реализма Достоевского применительно к изображению города, пишет: «Достоевский не только “в человеке ищет человека”, он и в городе ищет особую индивидуальность, он хочет постигнуть все глубины души Петербурга. И в этих своих исканиях Достоевский, в строгом согласии со своим пониманием жизни как реальности – углубленной до фантастики (курсив мой. – А.Г.), приходит к выводу, что “Петербургское утро, казалось бы, самое прозаическое на всем земном шаре”, – является “чуть ли не самым фантастическим в мире”» [7. С. 339]. Можно предположить, что под фантастикой Анциферов вслед за мыслью Достоевского подразумевает некий глубокий мистический уровень, уровень интуитивного и бескорыстного созерцания творения, выводящий за пределы обыденной действительности; в любом случае очевидно, что более глубоким уровнем представляется для Анциферова фантастический уровень бытия. В мемуарах он пишет о подлинном бытии, которое становится таковым благодаря слиянию сказки с бытом, в диссертации говорит о фантастическом как о

чем-то более глубоко, чем реальность, и это фантастическое для него неразрывно связано с пространством.

В следующих главах мемуаров появляются рассказы Анциферова о совершенных им путешествиях; страны и города, которые он видит, приобретают фантастически-литературные черты. Так, в главе «*Inscipit vita pova*», рассказывая о своих путешествиях по Норвегии, Анциферов характеризует пейзажи как «мир Ибсена» или сопоставляет их с пейзажами произведений Кнута Гамсуна. Анализируя эту главу мемуаров, М.Р. Ненарокова подчеркивает желание Анциферова стать «не просто читателем, а <...> невидимым литературным персонажем <...> Время от времени Анциферов как бы опознает вокруг себя то, о чем он читал» [9. С. 50].

Шестая глава мемуаров посвящена времени учебы в университете, учителю Анциферова И.М. Гревсу и заграничным путешествиям. Путешествие в Италию с участниками семинара Гревса, описанное в этой главе, оказало огромное влияние на мировосприятие Анциферова. Однако и в рассказе о другой своей поездке, о посещении Франции, Анциферов, описывая дворик у самой древней церкви в Париже – St.-Julien de Pauvre, говорит: «Мы сели на холодные мраморные ступени, и воображение перенесло нас в далекие времена. Я воображал, что у меня шпага <...> На ограде покоился кот, черный “бодлеровский” кот. Глаза его светились в лучах полной луны. Мы действительно перенеслись в какой-то неведомый мир» [6. С. 259]. Здесь снова проявляются три составляющих – реальность, воображение, причем переносящее участников события в прошлое – благодаря своего рода памяти места, значимой для локально-исторического метода Анциферова – и проявленный таким образом неведомый мир. Анциферов, как и в рассказе о Барановке, подчеркивает словом «действительно» внутреннюю реальность, достоверность происходящего. Как и в части «Норге», этот неведомый мир явно литературен, и своего рода маркером такого перемещения в другой мир становится персонаж Бодлера – черный кот.

Схожая формулировка о перемещении в иной мир появляется и в главе «По Италии», в рассказе о Венеции. «Станный город уводил из жизни. Ни земли, ни зелени – все иное, уводящее в особый замороженный мир, в «соловьиный сад» [6. С. 277]. Снова перед нами то же сочетание – реально существующая Венеция уводит путешественников в особый мир, и этот мир Анциферов тоже характеризует через литературное произведение, в данном случае через цитату из поэмы Блока.

Рассказывая о своей последней прогулке по Флоренции, Анциферов вспоминает фонтан из сказки Андерсена, которая, таким образом, благодаря той же памяти места проявляется и приобретает реальность.

«Там фонтан – Porcelli – Медный кабан, описанный Андерсеном. Мальчик-художник совершал на этом Медном кабане свои поездки по флорентийским галереям в ночные часы. Сказку эту я знал с детства, но совсем забыл о ней. При виде Медного кабана мне сразу вспомнилась забытая сказка, как далекое эхо на

мое детство. И вдруг сказка стала как бы реальностью. Не вымысел Медный кабан, а быль. Стерлись грани между явью и сном» [6. С. 291].

Кроме того, здесь Анциферов почти дословно повторяет слова, сказанные им о Рождестве в Барановке; если там он говорит о подлинном бытии, возникающем при соединении сказки и сна, т.е. фантастического вымысла, с одной стороны, и быта и яви, т.е. подлинной реальности – с другой, то здесь он пишет о исчезновении границ между сказкой и реальностью, вымыслом и бытом, сном и явью. В этих эпизодах особенно важна их принадлежность к литературному миру. К схожей теме он обращался и в брошюре «Теория и практика литературных экскурсий»: «Но разве не законно <...> и желание читателя, полубившего эти литературные образы, войти в соприкосновение с теми местами, которые вдохновили писателя, ощутить и над собой их власть?» (цит. по: [10. С. 17]). Здесь теоретизируется то, что Анциферов не раз описывает в своих мемуарах – он, читатель, ощущает над собой власть места, вдохновлявшую Ибсена, Андерсена, Бодлера и других писателей и поэтов.

В главе «Идея Петербурга и золотой век» Анциферов повторяет схожую мысль применительно к творчеству Достоевского: «Достоевский создает образ преображенного мира <...> Любимая мысль писателя, постоянно им повторяемая, заключалась в том, что мы должны осознать себя в раю – не там, в потустороннем мире, а здесь, во времени, на земле и, осознав это, мы будем в раю, мы узрим преображенный мир. “Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал на всем свете рай”. “Жизнь есть рай, ключи у нас”. <...> Нужно уметь увидеть “рай на земле” – так, как он существует на ней. Он-то и есть реальное бытие» [7. С. 534].

В статье «Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы» Д.С. Московская отмечает, что в последней главе мемуаров Анциферова, посвященной советскому времени и написанной уже после 1956 г., «почти не встретятся символические локусы – земные прообразы потерянного Рая» [3. С. 210]. Однако, как показано в этой же статье, и здесь есть исключения: среди ада, Inferno, как Анциферов называет этап после ареста 1937 г., появляется картина «мира Божия» – вновь в сочетании с художественным вымыслом (песней Сольвейг) и реальностью:

«Станция неведомо где. <...> Смотрю на мир Божий. Сопка. На нее взбираются ели – белые от инея, тянутся к небу. А небо синее, даже не синее, а лиловое... и чудится мне от этих сверкающих белизной елей, от этой лиловато-густой лазури льется музыка. Мне слышится песня Сольвейг <...> Это голос моей Тани! Она со мной, всюду, всегда. С полным сознанием значения этого слова пишу. И мог в этом Inferno пережить минуту счастья» (цит. по: [3. С. 212]).

Таким образом, по всему тексту мемуаров Анциферова, от «Детства» до завершающей, посвященной уже советскому периоду, «Рассеялся туман», мы видим одну и ту же повторяющуюся ситуацию: нечто – сказка, сон, фантазия, воспоминание об историческом

прошлом, фрагмент из художественного произведения – проникает в реальный обыденный мир и становится высшей реальностью; почти всегда это связано с определенным местом и с путешествием, и довольно часто – с религиозным переживанием.

Такое проявление детского воображения, игры, восприятие прочитанной литературы можно сопоставить с отношением Н.П. Анциферова к фантастическому, легендарному, работе человеческого воображения, которое проявляется в его научных работах – как в монографии «Проблемы урбанизма в русской литературе», так и в других. Можно сказать, что отношение реального и фантастического пространств в мемуарах Анциферова совпадает с его представлениями о соотношении реального и фантастического в научном творчестве. Особое отношение к пространству представляет собой основную часть метода Н.П. Анциферова – метода в литературоведении, который он развивает во всех своих научных работах. В книге «Душа Петербурга» (1922) изображение Петербурга в литературе связывается с отношением автора к природно-географической и архитектурной данности города, и именно в этой книге Анциферов выбирает самые прямые слова об общении с *genius loci* с помощью правильной экскурсии, так, как если бы речь шла о реальном живом существе: «Как же научиться понимать язык города? Как вступить с ним в беседу? <...> Тогда явится возможность вызвать беседу с душой города и, быть может, почувствовать некоторое подобие дружбы с ним, войти с ним в любовное общение...» [11. С. 19–20]. Очевидно, здесь тоже описывается своего рода соединение реального пространства города и фантастической беседы с душой города, которые вместе создают «подлинную реальность», о которой Анциферов многократно говорит в мемуарах. Кроме этого, философской основой мемуаров в определенном смысле может быть названа известная статья-манифест Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность». Д.С. Московская пишет: «Воспоминания Анциферова, задуманные как литературное произведение, должны быть поставлены в один ряд с научным дневником его жизни, эссе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность”, над которым велась работа с 1918 г. и прекратилась в 1942 г.» [4. С. 210]. Анциферов начинает писать эту статью в 1918 г. и пишет до 1942, т.е. частично работа над статьей переплетается с работой над мемуарами. Помимо прочего, Анциферов пишет о созданной людьми легенде, глубоко связанной с историческим местом и одухотворившей его.

«Историк <...> должен вместе с тем понять и объяснить роль “возвышающего обмана” легенды, узаконенной сознанием человеческого общества и в нем обретшей свое историческое бытие. Для пояснения этой мысли возьму пример: Петр в Риме. Историческая наука в лице подавляющего числа своих представителей отрицает факт его посещения Рима. Но те, кто был в “Вечном городе” <...> для тех весь Рим уже полон присутствием апостола Петра. Души миллионов в течение веков, тысячелетий наполняли город св. Петра. Излучение энергии их веры насытили образом этого

апостола все камни Рима. Вот эту форму исторической “внутренней действительности” не следует забывать историку» [12. С. 147–148].

Анциферов пишет здесь о легенде, возникающей в народном сознании. Однако с достаточным основанием мы имеем право отнести его слова и к художественной литературе в том случае, если и в ней отражена такого рода легенда. Так это происходит, по мнению Анциферова, в «Медном всаднике» Пушкина: в книге «Душа Петербурга» Анциферов называет поэму Пушкина «поэмой-мифом» [11. С. 66], а самого Медного всадника – *genius loci* Петербурга [11. С. 27].

Стихотворение Пушкина «К чему холодные сомнения» Анциферов цитирует в статье «Историческая наука...» и комментирует его: «Так поэт на священном месте утверждает правду мифа», причем в тексте статьи слова о ‘правде мифа’ подчеркнуты [12. С. 159]. Но для его метода не менее важны слова «на священном месте». Анциферов повторяет дорогую для него мысль: «Плох тот Историк, который совсем не поэт, который не способен ощутить действенное бытие легенды, связанной с “историческим местом”. Итак, легенда рассматривается как истинное *sui generis* событие в жизни души человечества, независимо от того имело ли оно фактическую основу в жизни внешней» [12. С. 159]. Здесь легенда, причем в данном контексте скорее вымысел, становится знаком действенного бытия.

В предисловии к монографии В.В. Умнягина «Соловки. Пейзаж соловецкого разномыслия» Д.С. Московская пишет: «Способность сознания уравнивать фактически существующее пространство и пространство воображаемое, наложить на географическую карту ментальную “Карту памяти”, наполненную образами и легендарными сюжетами, всем тем, что в равной степени имеет отношение как к художественной литературе, так и к научному или популярному историописанию, впервые в отечественной гуманитаристике была замечена Н.П. Анциферовым» [13. С. 9]. Как мы видим, это происходит не только в научных работах Анциферова, но и в его мемуарах – фактически существующие места наполняются литературными, фантастическими, вымышленными образами и таким образом преобразуются в описании Анциферова в подлинную или высшую реальность.

Дильтей определяет автобиографию как «осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму»; он особенно подчеркивает роль осмысления и самоосмысления, которое «позволяет бескровным теням прошлого обрести вторую жизнь» и выстраивает прошлое определенным образом [14. С. 249]; комментируя рассуждения Дильтея об автобиографии, Е.В. Иванова указывает, что каждая из трех автобиографий, которые Дильтей считает наиболее совершенными образцами жанра («Исповедь» Августина, «Исповедь» Руссо, «Поэзия и правда» Гёте), «имела свою идейную доминанту» [15. С. 17]. В этом смысле мемуары Анциферова представляют собой определенного рода осмысление его жизни; в его мемуарах реальное пространство сливается с фантастическим, мир воспоминания – с миром воображения и творчества, и идейной доминантой мемуаров становится вера автора в возможность такого преобразования мира.

Примечания

¹ Благодарю заведующую отделом рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН д-ра филол. наук Д.С. Московскую за возможность ознакомиться с этим конволютом.

Список источников

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2003. 1600 с.
2. Lewis C.S. *An Experiment in Criticism*. Cambridge University Press, 1965. 133 p.
3. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
4. Московская Д.С. Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы // Вторые московские Анциферовские чтения : сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М. : ГЛМ, Три квадрата, 2014. С. 201–216.
5. Анциферов Н.П. Память в борьбе со временем (Из дум о былом). Конволют 1. Семейный архив М.С. Анциферова. [1956–1957 гг.].
6. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., прим. и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М. : Феникс : Культурная инициатива, 1992. 512 с.
7. Анциферов Н.П. Радость жизни былой... Проблемы урбанизма в русской художественной литературе / сост., вступ. ст. Д.С. Московская. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2014. 656 с.
8. Гумерова А.Л. Игра в рыцарей на страницах мемуаров Н.П. Анциферова // Детские чтения. 2023. № 23 (1). С. 175–192.
9. Ненарокова М.Р. Литературные аллюзии в воспоминаниях Н.П. Анциферова («Норге») // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7-4. С. 50–58.
10. Степанов Б.Е. О «социологизме» в литературоведческой рефлексии Н.П. Анциферова // Анциферовский сборник – II. Москва ; Берлин : Директ-медиа, 2021. С. 14–23.
11. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб. : Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
12. Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918–1942) / публ. и подготовка текста А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник-2003. М., 2004. С. 136–162.
13. Московская Д.С. Вместо предисловия // Умнягин В.В. Соловки. Пейзаж российского разномыслия (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.). М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 7–14.
14. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / пер. с немецкого под ред. В.А. Куренного // Дильтей В. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. М. : Три квадрата, 2004. 418 с.
15. Иванова Е.В. Биография как жанр: западноевропейская и русская традиция // Биография в истории культуры : сб. ст. М. : Рутения, 2018. С. 7–36.

References

1. Nikolyukin, A.N. (ed.) (2003) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak.
2. Lewis, C.S. (1965) *An Experiment in Criticism*. Cambridge University Press.
3. Todorov, Ts. (1999) *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to Fantastic Literature]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
4. Moskovskaya, D.S. (2014) [Memoirs of N.P. Antsiferov as a historical document and a literary monument]. *Vtorye moskovskie Antsiferovskie chteniya* [Second Moscow Antsiferov Readings]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 140th anniversary of V.D. Bonch-Bruевич. Moscow: GLM, Tri kvadrata. pp. 201–216. (In Russian).
5. Antsiferov, N.P. (1956–1957) *Pamyat' v bor'be so vremenem (Iz dum o bylom)*. *Konvol'yut 1. Semeynyy arkhiv M.S. Antsiferova* [Memory in the struggle with time (From thoughts about the past). Volume 1. Family archive of M.S. Antsiferov]. [Manuscript]. Semeynyy arkhiv M.S. Antsiferova [M.S. Antsiferov Family Archive].
6. Antsiferov, N.P. (1992) *Iz dum o bylom: Vospominaniya* [From thoughts about the past: Memoirs]. Moscow: Feniks: Kul'turnaya initsiativa.
7. Antsiferov, N.P. (2014) *Radost' zhizni byloy... Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature* [The joy of life past... Problems of urbanism in Russian fiction literature]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.
8. Gumerova, A.L. (2023) *Igra v rytsarey na stranitsakh memuarov N.P. Antsiferova* [Playing knights on the pages of N.P. Antsiferov's memoirs]. *Detskie chteniya*. 23 (1). pp. 175–192.
9. Nenarokova, M.R. (2015) *Literaturnye allyuzii v vospominaniyakh N.P. Antsiferova ("Norge")* [Literary allusions in the memoirs of N.P. Antsiferov ("Norge")]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 7-4. pp. 50–58.
10. Stepanov, B.E. (2021) *O "sotsiologizme" v literaturovedcheskoy refleksii N.P. Antsiferova* [On "sociologism" in the literary studies reflection of N.P. Antsiferov]. In: *Antsiferovskiy sbornik – II* [Antsiferov Collection – II]. Moscow; Berlin: Direkt-media. pp. 14–23.
11. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Petrograd: Brokgauz-Efron.
12. Antsiferov, N.P. (2004) *Istoricheskaya nauka kak odna iz form bor'by za vechnost' (Fragmenty) (1918–1942)* [Historical science as a form of struggle for eternity (Fragments) (1918–1942)]. In: Sveshnikov, A. & Stepanov, B. (eds) *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik–2003* [Studies in the History of Russian Thought. Yearbook–2003]. Moscow. pp. 136–162.
13. Moskovskaya, D.S. (2021) *Vmesto predisloviya* [Instead of a preface]. In: Umnyagin, V.V. *Solovki. Peyzazh rossiyskogo raznomysliya (na materiale vospominaniy solovetskikh uznikov i romannoy prozy 2000-kh gg.)* [Solovki. The landscape of Russian dissent (based on the memoirs of Solovki prisoners and novel prose of the 2000s)]. Moscow: IWL RAS. pp. 7–14.
14. Dilthey, W. (2004) *Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [The Construction of the Historical World in the Human Sciences]. In: Kureny, V.A. (ed.) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. III. Moscow: Tri kvadrata.
15. Ivanova, E.V. (2018) *Biografiya kak zhanr: zapadnoevropeyskaya i russkaya traditsiya* [Biography as a genre: Western European and Russian tradition]. In: *Biografiya v istorii kul'tury: sb. st.* [Biography in the history of culture: collection of articles]. Moscow: Ruteniya. pp. 7–36.

Информация об авторе:

Гумерова А.Л. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: gratia4@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Gumerova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: gratia4@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.07.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 11.07.2025;
approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.*